

Современные
рассказы
о любви

МУЖЧИНЫ О ЛЮБВИ

Современные рассказы

Александр МЕЛИХОВ,
Антон ЧИЖ,
Родион БЕЛЕЦКИЙ,
Владимир КАЧАН
Александр СНЕГИРЁВ,
Евгений НОВИКОВ,
Роман СЕНЧИН,
Владимир МАКАНИН,
Владимир СОТНИКОВ

Москва
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С56

Дизайн серии *А. Дурасова*
Художественное оформление *С. Прохоровой*

С56 **Современные** рассказы о любви. Мужчины о любви : сборник. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Современные рассказы о любви).

ISBN 978-5-699-92770-8

Мужчины книги о любви не читают. Они их пишут. Придумывают любовные коллизии, приводят истории своих героев и героинь к трагической или счастливой развязке. Иногда в битвах с мужчинами за счастье женщинам так хочется заглянуть им в голову, чтобы понять: почему они не любят нас так, как нам хочется? Почему слышат одно, думают другое, а делают третье? Рассказы из этого сборника написали современные авторы – те, которые в наши дни формируют культурное пространство и влияют на умы. Читайте, дорогие женщины! Может быть, именно таким образом удастся постичь мужской ход мыслей...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мелихов А., 2017
© Чиж А., 2017
© Белецкий Р., 2017
© Качан В., 2017
© Новиков Е., 2017
© Сенчин Р., 2017
© Сотников В., 2017
© Маканин В., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-92770-8

ООО «Издательство «Э», 2017

Александр МЕЛИХОВ

Испытание верности

Олег с невольной grimасой страдания смотрел, как Светка, кося в зеркало, пинцетом подправляет брови, — у нее на лице было написано чувство, ввергавшее отцов-пустытников в сомнение, не служит ли самобичевание всего лишь новой разновидностью плотоугодничества. Он видел, что Светка им недовольна, но старался показать, что никакого недовольства нет, словно надеясь, что и она в конце концов ему поверит. Поэтому он заговорил с преувеличенной горячностью, как бы и не допуская мысли, что его разговор могут не поддержать.

— Знаешь, о чем я вчера подумал? — В вопросе больше контактности, чем в монологе. — Мы все сейчас ходим друг к другу в гости как в публичный дом. Пришли развлекаться и готовы заплатить, но только точно по таксе. А попроси сверх этого, на чай, какого-нибудь эле-

ментарного участия — хоть скажи, что голова болит, — вытаращат глаза: какое неприличие, какое непонимание взаимных обязанностей!.. Парикмахер обслужил клиента и за это просится к нему переночевать. Мне раньше казалось, что, когда люди собрались вместе, в этом уже содержится какое-то взаимное признание, какое-то обещание...

Олег мог бы еще долго чересчур горячо уточнять одолевавшую его в последнее время мысль, но жена чересчур спокойно прервала его:

— Странно, мне вчера показалось, что вы с Верочкой прекрасно понимаете друг друга. — До чего пристально она разглядывает свою бровь, просто с головой поглощена. Сразу видно, что сейчас она именно *жена*, а не просто Светка.

— Как ты не понимаешь! — Только ни единой ноты оправдания, лишь рядовая досада. — Для меня выражать интерес к женщине, в застолье, конечно, — просто форма вежливости.

— Да что ты оправдываешься, — все-таки вставила это слово, — делай, как тебе нравится.

В жизни не видел, чтобы человека так занимало зрелище собственной брови.

— Чего мне оправдываться... Но как ты не можешь понять такую простую вещь...

— Да я же тебе сказала: делай что хочешь. Что ты на меня накинулся? — Она иногда забывает о существовании нейтральных выражений, таких, например, как «выразил несогласие».

И так это она энергично укладывается, раз-два — и собралась. И не улыбнется на прощание, что, мол, ладно, все это пустяки, — Олега это начинало удивлять. Но тем не менее «спокойной ночи» — и все. Дверь захлопнулась. Он бы сделал что-нибудь, если бы мог предположить, что она так вот и уйдет. Они никогда еще так не расставались, даже на полчаса, — расставание всегда было сигналом к примирению. Даже на полчаса, а тут целая ночь: она сегодня дежурила «ночным директором», — почему-то в праздничные дни, кроме охраны, в конторе должен присутствовать кто-нибудь из белых воротничков, — водопроводчика, что ли, вызвать в случае всемирного потопа и тому подобное.

Нехорошо сделалось у него на душе — неужели его штуки наконец надоели ей по-настоящему? Да нет, никаких особенных штук, но все-таки он иногда начинал смотреть на себя ее глазами и от этого умиляться своими поступками, для других глаз, в том числе для его собственных, довольно сомнительными. Впрочем, она тоже этим грешила.

Слава богу — звонок! И она не выдержала. С церемонным поклоном распахнул дверь, выпрямился — прямо наваждение! Вера! Забрела на огонек. Такая же бойкая.

Он едва не выругался. Но, вмиг справившись, заговорил «по-свойски» с негласно условленной между ними дружелюбной грубова-

тостью: «О, здорово! Здорóво, здорóво, поздравляю с Международным женским». — «Спасибо, и мать вашу так же, ты жене-то хоть цветов купил?» — «У меня же нет личных денег, — и лишних тоже, — за ее, что ли, покупать». — «Подлецы вы, мужчины, — это с одобрением, — хотя сейчас к цветам не подступишься, совсем озверели, за каждый веник — пятерка». — «Пятерка — да лучше я полбанки куплю». — «Вам бы только пить». — Это тоже с одобрением. — «Да разве я пью». — «Не пьешь, пока не наливают». — «Да смотри, вот у меня две недели пол-литра стоит и до сих пор абсолютно девственна». (Вере нравятся пикантные шутки.)

В этом месте Олег забормотал и засуетился с рюмками, изображая повышенный азарт гостеприимства: он осознал, что квартира на всю ночь в его распоряжении. Вера польщенно отмахивалась: да не надо ничего, вот, кстати, у нее ветчина (заскочила в здешний универсам, тетки как звери, что у вас в сумке — это же они тоже не имеют права; ну, она расписывалась и говорит: что вы меня проверяете, это не на мне золотые кольца, а на вас).

За это она и нравится Олегу: в их компании она одна может сказать о себе: «расписывалась», а не «возмутилась». Олег начинает приходить в себя, но в смехе его уже слышна угодливость — классический атрибут обольщения. Теперь перед ним *объект* — до дружелюбия ли тут.

И с удовольствием вспоминает, что в их возрасте с этим делом все наконец-то сделалось гораздо проще (несолидно только, что он об этом думает как пацан — будто черт-те о чем) и если он до сих пор не изменял жене, то лишь потому, что сам этого не хотел, побаивался, что ли, «переступить», — но вчера он был как никогда близок к грехопадению, помешали, вероятно, только условия места и времени. Кому, собственно, от этого плохо?

★ ★ ★

В те поры, когда во дворах еще громоздились целые пространства поленниц, Верка в сатиновых шароварах бегала с мальчишками; шаровары мягким свисанием и покачиванием округляли, упрятывали ее тонконогую вертлявость чертенка. Когда она пробиралась в закуток меж гаражом и поленницей, Шурка толкнул ее в бок: гляди, Батрачиха зырит, а Верка отрезала без купюр: «Ну ее в ж...» Они там курили, а может, и еще чем-то занимались — она так и была оставлена в подозрении. А когда шуганула мать: «Верка, паразитка, а ну, вылезай!» — и попыталась сквозь щель вытянуть ее скрученным в жгут фартуком, который по пути стащила через голову, совсем распатлавшись, — Верка выскочила, как ошпаренная кошка, только колыхание шаровар придавало ее бегу мягкую плавность, а мать кричала вслед, брала на пушку:

«Я же все видела, как тебе не стыдно!» — а Верка бормотала под нос: «Стыдно, у кого видно».

В школе училась без всяких — схватит пару, так тут же исправит, а когда она оттарабанила квадраты чисел до тридцати, математичка, из-за своей полноты усвоившая манеру грубоватой, но мудрой бабы, покачала головой: умная голова, да дураку досталась. В техникуме — первая заводила вечеринок и пикников, похожих на вечеринки, «свой парень», злые языки поговаривают о чрезмерной легкости ее поведения, и не совсем без оснований, но легкость эта проистекает более из компанейского, чем эротического начала.

Олег хорошо представлял Веру в детстве, хотя и не знал ее тогда.

Нехитрая возня с рюмками и вилками не такое поглощающее занятие, чтобы оправдать молчание или хотя бы натужность в разговоре, но первые такты можно разыграть традиционно: хорошо прошла, первая колом — вторая соколом, огурчика бы сюда и т. п. Но дальше требуется кое-какая фантазия, во всяком случае ему, неосторожно приучившему знакомых к довольно изобретательному трепу. Однако корыстная задняя мысль пудовой гирей тянет на дно: оказывается, даже для балагурства нужна известная необязательность, свобода творчества.

Таким образом, довольно быстро и бесцеремонно выясняется, что говорить им не о чем. Пока они выезжают на игривых интонациях, но на них одних долго не протянешь. Олег пробует продолжить вчерашнюю, казалось бы, стопроцентно гарантированную линию воспоминаний о детских отчаянных выходках — бойцы, так сказать, вспоминают минувшие дни, — но все вчерашнее сейчас почему-то не годится.

Да, меж двоими это был какой-то спектакль без зрителей. Неужели вчера это и был спектакль и каждый ценил в другом хорошего партнера? Противоречие между той мочалой, которую они жуют, и игриво-угодливыми интонациями становится все более разительным. Эти интонации не слишком нелепы лишь в качестве того, чем они и являются: в качестве подготовительной стадии к дальнейшему. Они словно провозглашают в открытую: смотрите, он не просто говорит — он готовит почву, вернее матрац. Но только что-то слишком медленно.

В ее голосе уже чувствуется недоумение, но она еще бодрится:

— Такие сволочи, подъезжает к остановке, а сам хоть бы чуть притормозил. Окатила вот досюда. Я специально с первой площадки села и говорю: пальто мне ваша жена будет стирать? Смотрит — луп, луп. Я спрашиваю, видите, что вы со мной сделали? Говорит: не может быть. Не может еще быть! Я говорю: а, по-вашему, я сама

купалась? Так он нарочно от площади Победы до Тюменской сорок минут тащился. Чуть на работу из-за него не опоздала. Стала выходить — говорю: вам на катафалке надо работать.

— Ха-ха-ха, — говорит Олег (почти «хи-хи-хи» — он почти не перестает подхихикивать). — Это ты хорошо — на катафалке. Точно! Таким только на катафалке и работать! Покойников возить. Им ведь торопиться некуда. — Он в восторге от ее находчивости, и никак ему не отстать от этого катафалка. С катафалком как-то спокойнее. Он бы еще и пальто пошел посмотреть, только для этого пришлось бы включить свет.

Уже совсем стемнело, но света они не зажигали. От уличного фонаря на стене светился струйный параллелограмм — такое волнистое стекло, хотя днем незаметно. Отсутствие света тоже обличало — с чего это вам так понравилось сидеть в темноте? — и требовало: или зажгите свет, или приступайте к делу. Но на Олега нашло такое оцепенение, какого он, кажется, не знал и в семнадцать лет. Чувственности темнота в комнате содержала не больше, чем темнота погребка с картошкой. Как будто просто погас свет. В полумраке женские лица обычно кажутся красивее, но ему было не до женских прелестей — он уже просто не знал, как ему выпутаться.

Вдруг взять и включить свет? — на это требовалось, пожалуй, даже больше решимости. Мало того, что жалко оказаться идиотом — упустить

такой случай, — но это значило бы окончательно показать ей, что все кончилось, атака захлебнулась, а все предыдущее, включая угодливость, игривость, темноту и рискованные шутки, было неизвестно зачем разыгранной комедией. Или разыгранной известно зачем, но помешала трусость. Олег прямо затосковал. Он решил было назначить себе срок, хотя бы досчитать до десяти, но удержался: всякий такой срок только подчеркнул бы его нерешительность — уже было ясно, что он «не переступит».

Но что за несчастье! Ведь вчера помешали только условия места и времени, его всерьез тянуло к ней, даже в груди что-то щекотало — не так чтобы очень, но все-таки, — это было, что ли, возбуждение от удачного партнера-сатирика, от музыки, движения? И решимость оттуда же? Выпивка и здесь была, но хмель его не брал, то есть в *этом* смысле не брал. Вчера во время танца он определенно ее прижал, во всяком случае усилию до этого не хватило какой-нибудь сотни граммов, — может, включить музыку, потанцевать? Но это тоже какой-то спектакль без зрителей... Главное, неловко прибегать к столь искусственным средствам возбуждения, — она сразу поймет, она на этот счет очень шустрая. Возражать не будет, но поймет — лучше уж не надо. Она уже с отчетливым недоумением рассказывает, как соседка каждый день просит ее купить в булочной возле ее работы теплого хлеба — как-

то установила, что в это время туда как раз подвозят теплый хлеб. Ха-ха-ха, теплый хлеб, говорит он, ничего себе — теплый хлеб. Ишь, лакомка какая — теплый хлеб ей подавай, дай ей теплого хлеба — и все тут. До чего народ разбаловался — без теплого хлеба к ним не суйся. Ну, не знал, что она такая сибаритка, а теплый хлеб, кстати, вреден для желудка, древние греки, а может, римы, теплый хлеб давали только рабам. А ей, значит, нужен теплый хлеб? Так-так. Так и запишем! Ну-у! И долго еще слышится: теплый хлеб, теплого хлеба, теплым хлебом.

Она пробует вернуться к проверенной теме — отчаянным выходкам — интересно, как она все это понимает? — предложила пощупать выше локтя шрам от кровельного железа. Он чуть потрогал — и обратно: не хотел прибегать к фальшивому (и понятному ей) поводу пощупать — в духе восьмого класса, и потом, лишнее щупанье — лишняя атака, за которой последует лишнее отступление, а что оно последует — он уже не сомневался.

Силуэт Веры удалился в туалет, и какая-то слишком широкая вертикальная полоса света, казалось, говорила о том, что она не заперла дверь на задвижку. Он старался не слышать, что там происходит, но все-таки невольно прислушивался. А потом испытание возобновилось.

Ночь тянулась бесконечно, словно полярная. Так долго, что у него возникли серьезные со-

мнения, будет ли она вообще иметь конец, но недостаточно долго, чтобы эти сомнения успели рассеяться. Его угодливость из игриво-ласковой приняла форму адъютантской подтянутости, готовности ловко вскочить и шелкнуть каблуками, ловко поклониться, ловко подтвердить, предложить руку. А может быть, это была лакейская подтянутость. Даже мышцы лица устали от подтянутого выражения. И он, галантно опрокидывая стопочку за стопочкой, переносил подтянутость долгие зимние месяцы, и даже крошечная печурка не потрескивала в его одинокой хижине. Где-то ближе к полярной весне он, подтянуто позвякивая шпорами, ощупью варил кофе, и кофейная лужица на столе потом служила для него неиссякаемым источником развлечений, даже когда она совсем рассосалась в скатерти.

А когда зажегся свет, это была не весна, а просто свет, словно после киносеанса. Они оба очень прозаически щурились от бестактно яркого света и готовы были отгонять его от глаз, как дым. Лица у обоих были мятые и пятнистые от водки и нелепости. Подтянутости уже не было, а была не очень сильная — начальственная — виноватость, будто он отказал просителю в его просьбе на основании государственных соображений. Про пятно на скатерти было уже забыто, что оно кофейное, и теперь оно было заурядно неприличным.